

Б. И. ЯЦЕНКО

О некоторых особенностях рукописи «Слова о полку Игореве»

В 1985 г. Л. П. Жуковская, излагая кодикологические соображения к реконструированной Б. А. Рыбаковым композиции «Слова о полку Игореве», попыталась обосновать гипотезу о трехкратном перемещении листов в разновременных редакциях «Слова» до конца XV в. В связи с этим были высказаны также предположения относительно правописания и датировки Мусин-Пушкинского списка «Слова», предложен его севернорусский орфографический аналог XV в.¹ Мы уже писали о сделанных Б. А. Рыбаковым перестановках и вставке в древнерусском тексте «Слова».² В данной статье рассматриваются подходы Л. П. Жуковской к воссозданию основных характеристик списка, а также возможности иного опыта орфографического и палеографического анализа потерянной рукописи «Слова» по тем специфическим особенностям, которые отразились в Екатерининской копии, фрагментах поэмы (выписках Елагина, Малиновского, Карамзина), тексте первого издания и в переводах, сделанных в XVIII в.

Определение аналога Мусин-Пушкинской рукописи «Слова о полку Игореве» является одной из проблем, решение которой может стать важным этапом в исследовании памятника. Эта задача предусматривает тщательное изучение текстов «Слова» и его первых интерпретаций, в частности, сопоставление Екатерининской копии и первого издания, восстановление орфографических и палеографических черт Мусин-Пушкинской рукописи «Слова». Именно это поможет, как заметил в свое время И. И. Козловский, «определить и тот век, в котором она была написана», даст возможность в свою очередь «сравнивать ее с типом рукописей той же эпохи, разыскивать там и здесь аналогичные ошибки и опiski и благодаря этому доискиваться подлинного чтения», так как «без критически обработанного текста невозможны и другие разыскания в области занимающего нас памятника».³

Многие вопросы научной критики текста поднимались и находили определенное решение в исследованиях Е. В. Барсова, В. Н. Перетца, М. В. М. В. Щепкиной, Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова, Л. В. Милова и других ученых, которые занимались археографией «Слова». В результате была разработана научная методика текстологического и

¹ Жуковская Л. П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слова о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 68—125. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи.

² Яценко Б. И. К вопросу о перестановках в тексте «Слова о полку Игореве» // РЛ. 1987. № 3. С. 105—111.

³ Козловский И. И. Палеографические особенности погибшей рукописи «Слова о полку Игореве» // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1890. Т. 13, вып. 2, С. 6.

орфографического анализа Мусин-Пушкинской рукописи «Слова», определен круг источников для исследования, раскрыты некоторые приемы работы первых издателей «Слова» над текстом рукописи.

Что вносит в изучение проблемы Л. П. Жуковская? Схема ее научного исследования базируется на предположении о почти полной идентичности орфографии Мусин-Пушкинской рукописи и текста первого издания «Слова». Этим объясняется и намерение Л. П. Жуковской «исследовать нормы самого СМП» (т. е. Мусин-Пушкинского списка «Слова») «по данным первого печатного издания. . .» (с. 80), отказавшись от сопоставлений с Екатерининской копией. Л. П. Жуковская сближает орфографию текста первого издания «Слова» с орфографией Хутынского стихного пролога 1479 г., дает им обширную сравнительную характеристику. По ее мнению, «сгоревший список был скопирован с оригинала XIV в. в важный момент русской истории — перед так называемым „стоянием на Угре“ 1480 г.» (с. 122). Слова о «важном моменте» (об освобождении Московского княжества от татар) не имеют отношения к содержанию исследования и появились в результате той же ориентации на рукопись 1479 г.

В научной литературе по «Слову» тезис об идентичности орфографии текста первого издания и СМП не выдвигался, так как исследователи учитывали прежде всего связи сохранившихся текстов «Слова» — Екатерининской копии и текста первого издания — с погибшей рукописью и даже иногда отдавали предпочтение копии, считая ее ближе к рукописи СМП. В. Н. Перетц, например, отмечал, что «писец *K* внимательнее, чем *II*, передал употребление конечного *ъ*, а поэтому, реконструируя рукопись Мусина-Пушкина, на него можно больше положиться»; или: «в *K* есть ошибки, но нет умышленных исправлений; о *II* этого сказать нельзя». ⁴ Последующее изучение проблемы внесло определенные коррективы в первые впечатления ученых, однако не подорвало доверия к Екатерининской копии как к одному из важнейших источников в орфографическом и палеографическом исследовании Мусин-Пушкинской рукописи «Слова».

Главные аспекты взаимоотношений сохранившихся текстов «Слова» были впервые сформулированы Д. С. Лихачевым, ⁵ который, изучив приемы передачи текста в Екатерининской копии и первом издании, отношения этих текстов в рукописи и между ними, пришел к убеждению, что текст Екатерининской копии (далее — *E*) и текст первого издания (далее — *II*) восходят к общему протографу; причем хотя текст *II* был выверен по рукописи, его орфография подверглась определенной унификации в соответствии с правописанием XVIII в.

Л. А. Дмитриев в обстоятельном исследовании показал генетическую связь перевода, обнаруженного в бумагах Екатерины II в 1864 г. (далее — *перевод E*), со всеми другими переводами XVIII в., использовавшими *перевод E* как образец. Вместе с тем каждый из переводов сохранил определенные следы сверки с древнерусским текстом «Слова». ⁶ Выводы Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева значительно расширили базу для текстологического, орфографического и особенно палеографического исследования Мусин-Пушкинской рукописи «Слова», включив в научный оборот кроме текстов и фрагментов памятника также и переводы XVIII в.

Таким образом, текст первого издания «Слова» не поддается однозначной оценке; в нем отразились разные этапы развития древнерусской письменности с конца XII в. вплоть до правописания XVIII в. В данном

⁴ Перетц В. Н. Слово о полку Игоревім. Пам'ятка феодальної України—Русі XII віку. У Києві, 1926. С. 31, 33.

⁵ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 86—89.

⁶ Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. С. 287—302.

тексте нетрудно найти орфографические приметы того или иного времени и сделать привязку к нему, подобрав аналог. Понятно, что какие-то общие черты будут зафиксированы; может даже возникнуть иллюзия идентичности. Но несвойственные предполагаемому периоду формы пришлось бы или «втискивать» в это время, или подчищать под избранный аналог, или в крайнем случае отнести к редакционной работе первых издателей.

Именно такой путь исследования избрала Л. П. Жуковская, отыскивая для текста первого издания «Слова» орфографический аналог XV в., т. е. того времени, к которому относили Мусин-Пушкинскую рукопись Н. М. Карамзин, А. И. Ермолаев и др. Отказавшись от тщательного сравнения текстов *Е* и *П*, Л. П. Жуковская сузила базу исследования до прямого сопоставления текста *П* (не идентичного *СМП*) с предполагаемым аналогом. Все другие наблюдения и выводы, которые не укладываются в рамки аналога, Л. П. Жуковская считает «немотивированными полемическими высказываниями» (с. 81). Однако и в той позиции, которую отстаивает Л. П. Жуковская, нет четкой последовательности.

Характерной в этом отношении является дискуссия о предлогах *СМП*. В свое время С. П. Обнорский высказал предположение, что именно писец *СМП* был склонен к устойчивому употреблению «ъ» в конце предлогов.⁷ Д. С. Лихачев, отстаивая ту мысль, что предлоги в *СМП* как правило пишутся слитно со словом, а конечный ъ в *Е* и *П* расставлен согласно правописанию XVIII в., назвал предположение С. П. Обнорского ошибочным.⁸ Неизвестно, чем руководствовалась Л. П. Жуковская, но «проверив» вывод С. П. Обнорского... по тексту первого издания «Слова», который и был объектом полемики, она решила, что ученый «прав в существе дела (по цифрам есть некоторые расхождения) и не прав его оппонент», т. е. исследовательница замыкает спор в тексте *П* на самом же тексте *П* (с. 81—85). Более того, на основе этих «наблюдений» она делает вывод об орфографических характеристиках Мусин-Пушкинской рукописи: «... писец *СМП* проводил в этом случае новейшую орфографию второй половины XV в. и XVI в.» (с. 85).

Но действительно ли писцы XV и XVI вв. устойчиво употребляли «ъ» в конце предлогов? Л. П. Жуковская могла убедиться, что это не так, даже на том материале, который представлен как аналог *СМП*, т. е. на материале Хутынского стихного пролога 1479 г. По нашим подсчетам, в том отрывке, который приводит Л. П. Жуковская (с. 98—100), употреблено 20 предлогов без «ъ» (с паерком 4), 10 предлогов и преффиксов *о* (*т*), преффиксы *вѣс-*, *в-*, *из-* тоже без конечного «ъ»: «въсхотѣ», «въз(д)вигнути», «втече(т)», «въставъ», «въстокъ», «вше(д)», «избудемъ», «вниде(т)», «вниде», «изыти», «въставъ». Буква «ъ» поставлена в 18 предлогах и дважды в слове «вънйти».

Слитное написание предлога со смысловым словом особенно часто встречается в полууставных XV—XVI вв. и скорописных XVI—XVII вв. памятниках севернорусского,⁹ южнорусского и западнорусского письма.¹⁰ Так, в «Кройнике Стрыйковского», западнорусской рукописи XVI в., находим: «споловцѣ», «здругой стороны» (л. 163 об.), «здѣди(ц)тва», «пре(з)послы», «внасмеви(с)ку», «скоторо(го)», «кутому» (т. е. «къ тому»), «авѣдрубичу»; с преффиксом *из-*: «избѣго(м)» (л. 200). Из акта Киевского маги-

⁷ Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 138.

⁸ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве». С. 70—71.

⁹ См.: ЦНБ АН УССР, Отд. рук., Неж. 39, л. 215 об.; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 33—34 и др.

¹⁰ Далее документы цитируются по источникам: ЦНБ АН УССР, Отд. рук., ф. VIII, 106 (лаз. 48), л. 168 об., 200; ДА/216, л. 99; ДА/Лоб. 309, л. 244. Тексты *Е* и *П* анализируются по источникам: 1) Ироическая пѣсь о походѣ на половцов... М., 1800; 2) Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»... С. 140—151.

страта 1599 г.: «зыменя» (т. е. «съ имения»), «вда(л)ши(й) зятягъ», «о(т)-на(с) учиненое», «вдубе велико(м)». Из исторического сочинения Захарии Копыстенского «Палинодия» (нач. XVII в.): «втакомъ положеню», «о(т)творити», «в томѣТрете(м)», «и(ж)по свячены(м)о(т) ри(м)ского бы(л)». Обратим внимание на слово «отворити» (в *П*: «отворити», «оттвори»), а также на отсутствие четкого разделения слов.

В середине XVIII в. общая картина меняется. Так, в «Повести о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г.» из Киевской летописи XVIII века¹¹ нет ни одного случая написания предлога без «ъ»: «въ» встречается в 10 случаях; «во» — в 3; «съ» — в 5; «со» — в 3; «зъ» — в 3; «о(т)» — в 4; «къ(ко)» — в 2.

Таким образом, тот факт, что написание предлогов было в основном унифицировано уже в протографе *E* и *П*, сейчас не вызывает сомнений. Предположение Л. П. Жуковской об идентичности *П* и *СМП* неубедительно и не может привести в поисках аналога *СМП* к объективному научному результату. Поиск имеет свои аспекты и делится на несколько этапов.

Несомненно решающим является орфографический аспект исследования. Необходимо выделить из имеющихся текстов *E* и *П* орфографические особенности *СМП* и отнести их к определенной эпохе. Но это решение будет еще не окончательным, хотя и очень важным для ориентации на конкретный аналог. Определив орфографические черты *СМП* и приблизительно датировав их, нужно решить проблему и в палеографическом аспекте — сопоставить графические ошибки расшифровщиков и интерпретаторов с начертаниями реальных рукописей. Такой подход позволит не только более уверенно датировать, но и локализовать *СМП*, создаст определенные условия для его графической реконструкции и прочтения «темных мест» памятника.

Однако многие орфографические черты *СМП* скрыты в *E* и *П* за упорядоченным правописанием. Поэтому необходимо отсеять следы редакционного вмешательства издателей. При этом учитываем, что написания *E* восходят к протографу *E* и *П*, а написания *П* — к протографу, а также к рукописи (при повторном обращении к ней).

В *СМП*, как и обычно в рукописях XV—XVII вв., не было последовательного употребления правописных норм. Нередко встречались в разных рукописях глагольные окончания *-тъ* и *-тѣ*, буквосочетания *-ор-*, *-ол-*, и *-рѣ-*, *лѣ-* и др. Можно согласиться с Л. П. Жуковской, что в *СМП* в некоторых словах было сокращение под титлом, что в рукописи были восьмиричное «и» и десятиричное «І» (с. 108—109); что написания *я—а* после букв, обозначающих шипящие и «ц», сосуществовали (с. 110); что в *СМП* употреблялась «омега», а также йотированное «а» наряду с «юсом малым», и др. Эти догадки высказывались еще в XIX в. и позже и каких-либо возражений не вызывают.

Однако этой многовариантностью нельзя объяснить расхождения между *E* и *П* в написании нескольких групп слов. О. В. Творогов обнаружил в *E* и *П* около 300 основных расхождений, классифицировав их следующим образом: 1) различия в написании «ъ» и «ь» в конце и середине слов (121 случай); 2) различия в написании «ъ» и «ь» с плавными «р» и «л» (60); 3) различия в написании «ъ» и «е» (или «и») (49); 4) различия в написании «ы» и «и» (27); 5) различия в написании «а» и «я» после шипящих (15); 6) различия в окончаниях *-аго* и *-ого* (6); 7) различия в суффиксах *-е-* или *-я-* (6).¹²

Особое внимание исследователей привлекают расхождения в написании «ъ» или «ь». Сравнив разные случаи мены ъ—ь с издательской практи-

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 4, ед. хр. 583, л. 143—143 об.

¹² Творогов О. В. К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со- «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 150.

кой конца XVIII в., О. В. Творогов пришел к убеждению, что «издатели не придавали орфографическим тонкостям особого значения, написания возникали в процессе переписок и исправлений текста до известной степени стихийно, чем и вызван тот удивительный разноречивый, с которым мы встречаемся в обеих версиях текста «Слова».¹³ Л. В. Милов, подвергнув сомнению этот вывод, напротив, предположил, что издатели сознательно меняли орфографию текста *II*, в котором проявился «принцип противопоставления чтения Екатерининской копии», «альтернативные раздумья» издателей.¹⁴

На первый взгляд гипотезы О. В. Творогова и Л. В. Милова взаимоисключают друг друга. И тем не менее обе они представляют собой попытку найти единственное объяснение для такого многопланового и многослойного явления, как мена ъ—ь. Расшифровка текста и составление протографа, переписка *E* и *II* с этого протографа, сверка текста первого издания с рукописью *СМП* — вот те уровни, на которых происходили напластования, накапливались расхождения. Вместе с тем разные формы *СМП* получали в процессе упорядочения орфографии одинаковое оформление в тексте первого издания. Таким образом, необходим анализ и по вертикали (по уровням), и по горизонтали (по разным позициям мены ъ—ь). При этом нужно учесть, что в *СМП* может оказаться одна из двух форм, представленных в *E* и *II*, или третья форма, которая получила в *E* и *II* различное орфографическое наполнение. Обратимся к текстам.

Давно замечено, что одни и те же 39 глаголов с окончанием *-ть* (*E*) или *-тъ* (*II*) могли писаться в *СМП* в сокращенной форме с надстрочной «т» и по-разному были расшифрованы в *E* и *II*.

В тексте *E* во многих словах передан суффикс *-ьск-*, а в *II* в этих словах буква «ь» пропущена (Киевский, Готский, Угорский и др.). Похоже, что суффикс *-ьск-* был нормой для рукописи (см. в *E* и *II*: «между Угорскими. . .»). В протографе (и тексте *E*) надстрочные буквы «в», «т», «р» и др. в этих словах были внесены в строку с сопровождающей буквой «ь» и правильно был передан суффикс *-ьск-* («Готьския»). Иначе решает проблему автор *II*, который в тех же позициях отказался от использования ь (или ъ) при внесении согласных в строку и проводил эту же линию и в других словах: «шестокрильци», «Святслав Святславлича» (дважды), «Салтань», «бес».

Иное отношение к паерку. О. В. Творогов заметил, что в издании Воскресенской летописи паерок как правило передан буквами «ъ» и «ь».¹⁵ По-видимому, то же наблюдается и в тексте *II*. В *E* целая группа слов пишется без «ъ» или «ь» в основе, но в *II* они проставлены: «изъостренъ», «тъмоу», «чръленья», «орьтъмами», «Иньгварь», «мъглами»; или «Ольгово», «Ольга», «Тьмутороканъ», «сильными», «Тьмутороканя», «крильца», «Васильковъ», «седьмомъ», «нельзя», «мъглами», «только». Мы считаем, что и в этом случае автор *II* был последователен, проставив вместо паерка необходимую по смыслу букву «ъ» или «ь» (в разночтении «мъглами» — «мъглами» проявилось смешение «ъ» и «ь»). В протографе (и в тексте *E*) паерок был оставлен без внимания.

Что касается расхождений *е—вл*, то в каждом отдельном случае здесь могла быть потеряна надстрочная «л». В *СМП* в прилагательных и местоимениях употреблялось выносное окончание «го», передаваемое обычно надстрочным знаком после «омеги». В тексте *E*, восходящем к протографу, это окончание было передано как *-ого*, а в *II* — как *-аго*. Не был понят этот знак и в слове «его» («е гоголемъ»).

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ Милов Л. В. О «Слове о полку Игореве» (Палеография и археография, чтение «русичи») // История СССР. 1983. № 5. С. 89—90.

¹⁵ Там же. С. 143.

Много споров вызывает и проблема болгаризованных написаний в текстах *Е* и *П*. Л. П. Жуковская отрицает «инославянское влияние на орфографию» *СМП* и подчеркивает стремление писца к архаизации (с. 103). Видимо, для писца Хутынского стихного пролога характерен именно такой подход (см.: «кръсоунъ», «влъга»), так как на северо-востоке Руси южнославянское влияние ослабло в XV в. и начался возврат к прежней манере письма. Но на юго-западе оно было заметным и в XVI, и даже в XVII вв. Вот наиболее характерные написания из учительных евангелий XVI в.: «всѣм срдцемъ чти внимая», «слово плъзы дховны исплънено», «жена зла до смрти сушить»; «ислъкованіе» и рядом: «ислъкованіе»; «предмлъва» и «предмолъва»; «стл^пъ съверше^нны^х» и дальше: «симеона стлшника». А вот из учительного евангелия 1645 г.: «(т) свѣта в' темны^н врьтепъ». ¹⁶

В этих выписках есть орфографические особенности, которые проявляются и в тексте «Слова», в частности, буквосочетания *-ръ-*, *-лъ-* и наличие слогаобразующих «р» и «л», глагольные окончания *-тъ* и *-тъ*, выносные буквы в середине и в конце слов; писцы склонны к употреблению йотированных, появляются слова с «просветленными» *-ол-*, *-ер-*, сокращения конечного *-й* в прилагательных и др. Интересно также употребление паерка и кендемы в значении «й».

В текстах *Е* и *П* тоже встречаются слова со слогаобразующим «р»: «чрленья» (*Е*), «мркнетъ», «утрпѣ» (*П*). Л. П. Жуковская считает их «простыми описками писца *СМП*» (с. 107). Но однотипные слова находим и в выписках Н. М. Карамзина (со слогаобразующей «л»): из списка «Слова» — «Святъплкъ»; из «Синагриа» — «мужескъ плъ» (ниже: «мужескъ полъ»), «дѣвическъ плъ»; из «Деяния» — «плки поставити». ¹⁷ По-видимому, здесь нет единого решения. М. В. Щепкина, например, рассмотрев 45 слов, в которых происходит мена *-ор-*, *-ол-* (*Е*) на *-ръ-*, *-лъ-* (*П*), предположила здесь сокращения с надстрочными «р» и «л». ¹⁸ Не исключено также написание слов с сокращениями, но без выносных «р» и «л»: «стлпъ», «утрпѣ». Л. В. Милов предположил, что «в заголовке памятника и в ряде иных мест написание падежных форм слова полкъ (плкъ) могло быть с выносом *л* над глухим полного звучания (*пъку*, где *л* — выносной над *ъ*. . .)» могло быть и написание с паерком: «пл'ки». ¹⁹ Написание в *СМП* типа «плку» могло дать разные орфографические варианты, которые встречаются в текстах *Е* и *П*: «пъку» — «шълку», а также «полку».

В «Слове» насчитывается 28 случаев употребления окончания *-ья* во множественном числе имен прилагательных («храбрыя», «Половецкыя» и др.), которым противостоят 16 прилагательных с окончанием *-ьи* или *-и*. Мы считаем, что некоторые окончания *-ья* (*-ія*) нужно отнести на счет первых издателей или даже первых расшифровщиков *СМП*. С 50-х г. XVIII в. существовало искусственное правило об употреблении окончаний *-ые*, *-ия* (м. р.), *-ья*, *-ия* (ж. и ср. р.), восходящее к практике Петербургской академической типографии. ²⁰ И тем не менее говорить о произвольном изменении окончаний *-ьи* на *-ья* мы не можем. Речь может идти только об орфографическом наполнении встреченной в рукописи формы типа «храбры», «Половецкы». Отдельные такие формы сохранились в тексте «Слова»: «То было въ ты рати и въ ты плъкы» (с. 17), «красны дѣвице» (с. 44). Но: «подъ тьи мечи» (с. 32) и «Тии бо бес щитовъ» (с. 27).

¹⁶ Опис рукописей народного дому з колекції Ант. Петрушевича / Зладив ц-р Ія-ріон Свенціцький. У Львові, 1906. Ч. 1. С. 2, 6; 1911. Ч. 2. С. 4; Ч. 3. С. 8, 16, 24, 28.

¹⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1818. Т. 3. Примеч. 268, 272.

¹⁸ Щепкина М. В. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 100.

¹⁹ Милов Л. В. О «Слове о полку Игореве». . . С. 93.

²⁰ Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962. С. 210.

Эти примеры свидетельствуют о том, что звуки [ы] и [и] в произношении сливаются, но буква «ы» писалась под влиянием орфографии кратких прилагательных. Возможен и другой вариант: после окончания -ы стоял паерок, и вместо него еще в протографе было поставлено окончание -я. В рукописной «Кройнике Стрыйковского» (XVI в.) находим: «...погани котры теж споловць одного народу были». ²¹ Б. А. Ларин относит форму «копья харалужныя» только на счет первых издателей. ²² Действительно, форма «харалужныя» вместо окончания ср. р. «харалужная» могла появиться еще в протографе в том случае, если в СМП была употреблена форма «харалужны». Невозможно также окончание ср. р. -ая (мн. ч.) для прилагательного ж. р. — «на живая струны» (вместо «живыи»).

Таким образом, при сравнении *Е* и *П* проступают как основные орфографические черты СМП, так и упорядочение правописания, предпринятое издателями: предлоги в большинстве случаев писались с последующим словом слитно и без буквы «ъ»; издатели унифицировали написание предлогов согласно правописанию XVIII в. — отдельно от слова и с буквой «ъ»;

окончания глаголов настоящего времени были в СМП в двух формах — -ть и -тъ; кроме того, были написания с надстрочной «т»; в протографе ²³ и *Е* они были упорядочены как -ть, а в *П* при подготовке первого издания «Слова» были сверены с оригиналом СМП, и предпочтение было отдано окончанию -тъ;

многие слова писались с выносными в середине слов; в *Е* они внесены в строку с буквами «ъ» и «ь» (очевидно, так было и в протографе), а в *П* — без них;

употреблялся паерок в середине слов; в *П* он был просветлен с буквами «ъ» и «ь»; в тексте *П* и протографе — без них;

окончание прилагательных и местоимений -го передавалось в СМП надстрочным знаком, который был передан в протографе и *Е* как -ого, а в *П* — -аго;

в СМП были написания с -ор-, -ол-, -рѣ-, -лѣ-; кроме того, в отдельных случаях «р» и «л» были надстрочными или с паерком, или слогаобразующими; в результате упорядочения в этих словах в протографе и *Е* появились -ор- и -ол-, а в *П* — -рѣ-, -лѣ-;

в СМП отдельные прилагательные потеряли конечный «и» или паерок и писались по типу кратких прилагательных («храбры», «Половецкы», «ты»); уже в протографе, а позже в *Е* и *П* эти слова были одинаково дополнены по правилам XVIII в. окончанием -я.

Приведенные случаи деформации СМП и упорядочения правописания в *Е* и *П* охватывают тот слой орфографического материала, который относится непосредственно к рукописи. Другие расхождения в *Е* и *П*, в частности, противоположные написания ъ—ь в существительных («соколовъ»—«соколовь»), местоимениях («имь»—«имъ») и др., мена ча—чя, и—ы, требуют иного объяснения.

Если учесть все случаи, когда «ъ» и «ь» появились в *Е* и *П* в результате упорядочения орфографии, а в СМП их не было, то останется еще 54 слова, в которых наблюдается периодическая мена ъ (*Е*)—ь (*П*) и ь (*Е*)—ѣ (*П*). Они распределяются следующим образом (первыми показаны листы текста *Е*, а в скобках соответствующие страницы первого издания).

Л. 1, 2 (с. 1—12): ѣ (*Е*)—ь (*П*) — 17 слов, кроме: «имь», «яругамь», «мьгла» (*Е*); в *П* в этих словах окончание и в середине слова -ѣ.

²¹ ЦНБ АН УССР, Отд. рук., ф. VIII, 106 (Лаз. 48), л. 168 об.

²² Л а р и н Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X—середины XVIII в.). М., 1975. С. 160.

²³ Не исключено, что в протографе могли быть еще некоторые сокращения СМП — написания под титлом, надстрочные в середине и в конце слов, отдельные слитные написания предлогов со словами. Все эти особенности нередки в скорописи XVIII в.

Л. 3, 4 (с. 12—22): ъ (*E*)—ъ (*II*) — 14 слов, кроме: «текуть», «Свято-полкъ», «человѣкомъ» (*E*); в *II* — окончание -ъ.

Л. 5 (с. 22—27): ъ (*E*)—ъ (*II*) — 10 слов.

Л. 6, 7, 8 (с. 27—46): ъ (*E*)—ъ (*II*) — 13 слов, кроме: «зоветь» (*E*); в *II* окончание ъ.

Л. В. Милов, говоря об «альтернативных раздумьях» издателей, невнимательно отнесся к обоснованному Д. С. Лихачевым научному факту, что тексты *E* и *II* восходят к одному протографу. Значит, разгадку различий нужно искать и в протографе, а не только в редакционной работе издателей. Кроме того, необходимо учесть, что во всех 54 словах, где произошла мена ъ—ъ и ъ—ъ (как и в 7 других словах), по смыслу требуется буква «ъ» («соколовъ», «имъ», «Святополкъ» и др.), т. е. писцы могли иметь дело с разными графемами одной и той же буквы «ъ» в протографе; что в XVIII в. было несколько начертаний буквы «ъ», причем отдельные начертания «ъ» в киевской скорописи обозначали «ъ» в московской скорописи, и наоборот. Сам текст *E* был переписан до 1796 г. киевской скорописью конца XVIII в.²⁴

Обратим внимание, что писец *E* правильно передал букву «ъ» на л. 1, 2, 5, а писец *II* в том тексте, который соответствует л. 3, 4, 6, 7, 8; на л. 9 (здесь текст занимает несколько строк) разнонаписаний нет. Каждый из писцов передал знакомые начертания так, как они были привычны для него в киевской или московской скорописи. Значит, протограф был написан киевской (л. 1, 2, 5) и московской (л. 3, 4, 6, 7, 8, 9) скорописями.

Этот вывод подтверждается и анализом мены *и*—*ы* и *ы*—*и* (27 слов). По-видимому, в *СМП* во всех случаях стояла буква «и», которая и в XVII, и в XVIII вв. имела в киевской и московской скорописях несколько начертаний. Писец *E* передал букву «и» в 5 словах на л. 1, 2, 5: «възлѣлѣяни», «полунощи», «полки» (дважды), «кровати».²⁵ Писец *II* употребил букву «и» в остальном тексте «Слова», который соответствует л. 3, 4, 6, 7, 8 Екатеринбургской копии, в 18 словах. В этой же части текста проявилась обратная мена *и*—*ы* в 4 словах: «крылы» (с. 19), «акы» (с. 29), «желѣзныи» (с. 32), «унылы» (с. 34).

В тексте первого издания «Слова» более 60 написаний «а» после шипящих, общих для *E* и *II*; есть слова с «я» после шипящих. В тех 15 случаях, в которых наблюдается мена *а*—*я*, по-видимому, правильный вариант сохранился в *II*, поскольку он был сверен с рукописью.

Как же возникло это разнописание? Обратим внимание, что в автографе А. Ф. Малиновского буква «я» похожа на «а»,²⁶ поэтому можно прочесть «Игора», «своа», «живаа» вместо «Игоря», «своя», «живая». К концу XVIII в. букву «я» писали одним круговым движением пера. При быстром письме углы исчезали, и буква «я» становилась похожа на «а». Писари выходили из положения, приставляя к «а» спереди своеобразный «язычок». Но иногда (как видно по автографу А. Ф. Малиновского) о нем забывали, и буква «я» читалась как «а». Так и прочел ее в протографе писец *E*. Ошибка вполне оправдана, так как в тексте были

²⁴ Ср. начертания букв текста *E* с киево-софийской копией Доношения синолу Арсения Ростовского (ЦНБ АН УССР, Отд. рук., II, 2577, л. 2—4, 1763 г. и почерком писца СМП (Там же, III, 9347, л. 1; 17 февраля 1798 г.). Об украинском происхождении копии Доношения свидетельствуют написания «и» вместо «ы» («вери», «доходи», «доми», «инихъ», «нужнихъ», «ответи», «каторихъ» и др.), «ы» вместо «и» («мыръ»), твердое «р» («монастыръ»), начертание буквы «й» (совр. укр. «і»): «божіимъ», «войнъ», «епископій» и др. В Доношении и тексте *E* близки начертания букв «б», «д», «и», «к», «л», «т», «ш», «ъ», «ь» и др.

²⁵ Листы текста *E* могли не совпадать с листами протографа, поэтому отдельные слова отнесены к л. 2 и 6 условно.

²⁶ См.: Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве». С. 193—195.

те же слова и с буквой «а». Но одно слово писец *Е*, видимо, не понял, написав «радяше» вместо «рядяше».

В отдельных случаях буква «ы» в XVIII в. тоже писалась одним росчерком пера и приближалась к начертанию, совпадающему с написанием «а». Отсюда, возможно, ошибочные прочтения («живая», «неготовами»), восходящие к протографу.

Таким образом, анализ расхождений позволил установить некоторые редакторские приемы, характер протографа и различия, возникшие при переписке с протографа, реставрировать орфографические черты *СМП*, которые характеризуют *СМП* как рукопись конца XVI в.²⁷

На этом материале можно объяснить и разнонаписание *e—ѣ*: писец *Е* почти везде пишет «стрелы», а в *II* — «стрѣлы». Е. В. Барсов обратил внимание на то, что в XVI в. часто употреблялась графема, похожая на «мягкий знак» с высокой мачтой для обозначения «ть». ²⁸ И в *СМП* могло быть то же написание — «стрѣлы». ²⁹ При расшифровке оно могло быть принято за древнейшую орфографическую особенность XII—XIII вв. и соответственно передано словом «стрелы»; так и перешло это написание в текст *Е*. При подготовке текста *II* ошибка была исправлена: составитель *II*, сверив текст с рукописью, понял, что это новейшая графическая особенность, и правильно передал написание — «стрѣлы». Особенностью киевского письма объясняются и разнонаписания в *II* «дивицею»—«дѣвицею», «славѣ»—«славы»: произношение «и», «ѣ», «ы» идентично.

Палеографические черты Мусин-Пушкинской рукописи «Слова» проявляются прежде всего в графических ошибках расшифровщиков и интерпретаторов, поэтому необходимо тщательно изучить следы использования рукописи. При этом нужно учесть, что тексты *Е* и *II*, как установил Д. С. Лихачев, имеют общий протограф (но *II* был сверен с оригиналом рукописи), поэтому все ошибки в *Е* и *II* восходят к *СМП* или через протограф (в *Е* и *II*), или непосредственно к *СМП* (в *II*). Их можно разделить на три группы.

1. Ошибки *СМП*, которые были в рукописи до начала работы первых издателей над ней. Они почти сливаются с ошибками второй группы.

2. Ошибки, которые объясняются способом написания слов; в частности, употреблением сокращений с выносными буквами в середине и в конце слов; паерков вместо «ъ», «ь», «и», «й»; кендем вместо «й», «и»; титлов и т. д.; сюда входят ошибки, общие для *Е* и *II* («тоже», «Ярославъ» «е гоголемъ»), и те, которые встречаются только в *Е* («Святъславича», «пякъ», «Плѣньска») и только в *II* («Ростиславя»).

3. Ошибки, которые объясняются неправильным восприятием графем *СМП*: «который», «подобію», «Всеволожь», «повелѣя», «вступилъ», «съ нимъ» «одевахъте», «времены», некоторые «темные места» (в *Е* и *II*); «Косожьскими», «опуташа», «Шоломянемъ», «Ярославнымъ», «на море», «поскачи», «ползаша», «Святъславличъ», «Всеволоде», «Игоревичъ» (*Е*); «Ярослову», «свиствъ звѣринъ въ ставби», «Руский», «горнастаемъ», «Святъславлича», «Всеволодѣ» (*II*).

К наиболее древним следует отнести те ошибки, которые возникли в результате неправильной вставки выносных в строку или неправильного деления на слова при переписке с устава или полуустава. Так, мы считаем, что во фразе «Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую

²⁷ Такую датировку рукописи в 1866 г. предложил Н. С. Тихонравов и научно обосновал О. В. Творогов в статье «К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со „Словом о полку Игореве“» (с. 163).

²⁸ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1885. Ч. 2. С. 125—126.

²⁹ Такое же начертание буквы «ѣ» встречается и в XVII в. в полтавских актовых книгах (см.: Панащенко В. В. Палеография украинського скоропису другої половини XVII ст. Киев, 1974. С. 60, 63).

проліясте» (с. 26) неправильно внесена в строку выносная буква «с». Нужно: «несчетно». И тогда фраза приобретает смысл.

В разных комментариях фраза «ратаевѣ *кикахуть*» получает вроде бы удовлетворительное объяснение — «покрикивать». Но нельзя не учитывать, что в «Задонщине» этот эпизод передан иначе: «. . ни ратаи, ни пастуси в полѣ *не кличют*». ³⁰ Вполне возможно, что в слове «кикахуть» (с. 17), как и в слове «кычеть» (с. 37), была потеряна буква «л».

И еще один пример, из которого видно, как ошибочное прочтение повлекло за собой даже перестановку в древнерусском тексте «Слова». Речь идет о фразе «и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови».

Рассмотрим весь эпизод так, как он подан в тексте первого издания.

«Темно бо бѣ въ г̃ день: два солнца помѣркаста, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста.

На рѣдѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови» (с. 25).

Упомянутая выше фраза (сначала только первая ее часть) была присоединена к рассказу об Олеге и Святославе еще в начале XIX в., когда текстологическая и палеографическая критика оказалась бессильной объяснить фразу в том контексте, в котором она была в тексте первого издания. Так возник «исторический факт», что Игорев сын Олег и племянник Святослав тонули в каком-то озере-море, но остались живы. Так чему же радовалась Хинова?

Мы считаем, что перестановка ошибочна, извращает содержание памятника. В этой фразе все предельно ясно, но необходимо правильно прочесть ее: «. . по Руской земли прострошася Половци. . . и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови». Не нужно никаких изменений, изъятий или перестановок в тексте! Здесь «Руская земля» выступает и как географическое название, и в значении собирательном, обозначающем людей; в последнем случае согласуется с другими словами во множественном числе: «и въ морѣ погрузиста», т. е. Кончак и Гзак погрузили их (русских людей) в мор (гибель, смерть). Предлагаемая конъектура (новое деление на слова в тексте первого издания) является оправданной со всех точек зрения — грамматической, текстологической, палеографической и эстетической.

Следует обратить внимание и на такую особенность текста. Автор «Слова», в нескольких эпизодах подчеркивает триединство действий:

- а) князья: «помѣркаста», «погасоста», «поволокоста»;
- б) половцы: «прострошася», «погрузиста», «подасть» (из этого контекста изымается упомянутая фраза);
- в) хула, нужда, див: «снесся», «тресну», «врѣжеса»;
- г) готские девы: «въспѣша», «поютъ», «делѣютъ».

Создана целостная картина состояния Руси после поражения Игоря, но, к сожалению, эта картина нарушается перестановкой. Только возвращение к тексту первого издания воссоздает художественное полотно древнего памятника.

Ошибки второй группы тоже возникли в результате пропуска выносных букв («Ярославъ», «Святъславича», «пякъ», «Плѣньска», «Ростиславя») и невнимания к строчным знакам («тоже», «е гоголемъ»).

Ошибки третьей группы являются важным палеографическим материалом, так как только они дают возможность воссоздать тип письма. Еще в конце XIX в. И. И. Козловский подметил, что ошибки в истолковании отдельных начертаний дают возможность и установить характер рукописи — время ее создания, — и предложить научно обоснованные конъек-

³⁰ См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 538.

туры.³¹ Фактически И. И. Козловский изложил основы палеографической трассологии, которая по следам использования рукописей (т. е. по ошибкам переписчиков и интерпретаторов) восстанавливает их первоначальный вид. Такую же позицию заняла и М. В. Щепкина, которая писала, что раскрыть неясные места можно, только восстановив правописание рукописи и ее начертания; только так можно решить, «какие приемы исправления закономерны и допустимы в тексте «Слова»».³²

В XV—XVI вв. было три вида скорописи — севернорусская (московская), южнорусская (киевская), западнорусская (виленская), и различия между ними были значительными. В то же время появлялись памятники, написанные полууставом. Орфографические особенности рукописи *СМП* не дают представления о типе письма. Только палеографический анализ ошибок третьей группы может способствовать решению этой проблемы.

Л. П. Жуковская высказала предположение, что издатели имели в виду только звуки речи, когда говорили, что передавали текст П-1800 „буква в букву“ (с. 117). Но не звуки речи, а начертания графем пытались передать издатели; тех графем, которые, по их мнению, были в *СМП*. Так появились написания «времены» вместо «бремены», «одѣвахъте» вместо «одѣвахуть», «который» вместо «которы», «земли Руский», вместо «Руский», «Слава Игорю Святъславлича» вместо «Святъславличу» и др. Хотя издатели знали, что в этих словах нужны иные формы, буквы, окончания, они не стали исправлять их, увязывать эти слова с другими словами в предложении. Это и было издание «буква в букву». Таким образом, тот факт, что ученые пытались передать каждую графему независимо от того, как это повлияет на восприятие текста читателем (правильное толкование давалось в переводе), и открывает огромные возможности для палеографического исследования, воссоздания графем рукописи *СМП*.

Вопрос о начертаниях графем Мусин-Пушкинского списка «Слова» самый сложный. Возьмем, к примеру, провозглашение славы князьям: «Слава Игорю Святъславличь, буй туру Всеволоде, Владимиру Игоревичь» (*Е*); в *П*: «Слава Игорю Святъславлича, буй туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу» (с. 46). Во всех именах — дательный падеж, т. е. необходимо окончание *-у*. Но в *Е*: «Святъславличь», «Всеволоде», «Игоревичь»; в *П*: «Святъславлича», «Всеволодѣ», «Игоревичу». Только последнее слово написано верно; в других словах текста *П* появились иные окончания. Без сомнения издатели видели здесь грамматические неправильности, но оставили те начертания, которые, как им казалось, были в тексте. Каков же характер этих ошибок?

Начнем с той ошибки, которая была исправлена: «Игоревичь» (*Е*) — «Игоревичу» (*П*). При расшифровке текста была написана буква «ъ» вместо «у». Требуется найти, в какой графике написание буквы «у» напоминает или даже совпадает с написанием «ъ». Тщательное палеографическое изучение разных полууставных и скорописных (московской, киевской, виленской скорописей) памятников убеждает в том, что такая графема наличествует в киевской и виленской скорописях XV—XVII вв. В. Н. Перетц в свое время отмечал эту особенность киевской скорописи: «...общий кудрявый вид письма, „ж“, „з“ с недописанной левой верхней частью, наконец, „б“ типично украинского рисунка, окончательно получающего свое завершение уже к половине XVII в.».³³

В этом же ключе получают объяснение и другие ошибки третьей группы. Отдельные начертания буквы «б» в киевской скорописи конца XVI — начала XVII в. полностью совпадали с современным начертанием буквы

³¹ Козловский И. И. Палеографические особенности. С. 6—7.

³² Щепкина М. В. Рукопись «Слово о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1952. С. 290 (Б-ка поэта. Б. сер.).

³³ Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVII веков. Л., 1928. С. 111 (разр. наша, — *Б. Я.*).

«в» («в» вместо «б» в слове «бремены»); графемы буквы «у» (мы нашли в рукописях XVI—XVII вв. восемь начертаний этой буквы) могли быть поняты в XVIII в. как «ь», «ъ», «е», «ъ», «а» и др. (см. «ъ» вместо «у» в слове «одѣвахуть»). Вот те графические расхождения, которые взяты из текстов *Е* и *П*, выписок А. Ф. Малиновского, Н. М. Карамзина, И. П. Елагина и имеют палеографическую ценность (первым дано прочтение текста издания 1800 г.): *у—ь, у—о, ь—ѣ, с—з, з—с, н—ѣ, ѣ—ь, ь—ѣ, о—ѣ, от—о, щ—ш, вл—л, л—вл, вл—в, а—о, ю—у, ж—д, и—е, е—с, п—б, а—и, е—ы, ь—ы, д—б, б—д, в—б, ѣ—и* и др. Эти разнонаписания существуют объективно и получают объяснение на материале киевской скорописи XVI—XVII вв.

Что касается переводов XVIII в., то они тоже содержат палеографическую информацию, в частности, в тех местах, которые были сверены с рукописью. Так, например, в *Е* предельно ясно сказано: «вѣстала обида», а А. И. Мусин-Пушкин переводит: «осталась победа». По всей видимости, этот перевод восходит к *СМП* или к очень неудачной расшифровке; но в любом случае прочтение ближе к оригиналу:

в слове «вѣстала» прочитана буква «о» вместо «в»; это возможно в том случае, если буква «в» была передана графемой «v»;

после префикса *в-* буквы «ь» не было; значит, все слово было понято как «остала»; окончание *-сь* было приписано по смыслу;

в слове «обида» первая буква «о» передана «омегой» с опущенным началом (*w*) и прочитана как «по»; такие изображения «п» встречаются в рукописях XVI—XVII вв.;

буква «и» была прочитана как «е».

В этой фразе имеют палеографическое значение разнонаписания *в—о, о—по, и—е*.

В переводе *Е* находим выражение «воды купить» вместо «испить».³⁴ Как мог переводчик увидеть в слове «испить» слово «кушить»? Замечаем, что разница между словами небольшая; неправильно понят только префикс *ис-*. Эта ошибка тоже объясняется палеографически:

буква «и» была прочитана как «к»; и такое начертание действительно есть в киевской скорописи XVI—XVII вв. (к);

буква «с», прочитанная как «у», была передана графемой, которая характерна для киевской скорописи конца XVI и самого начала XVII в. (б).³⁵

Так были воссозданы почти все графемы Мусин-Пушкинской рукописи «Слова», многие случайные лигатуры. Больше всего начертаний у букв «б», «в», «д», «е», «и», «у», «ы». На основе упорядоченного графического алфавита рукописи были расшифрованы некоторые «темные места» в тексте «Слова о полку Игореве». Остановимся на двух из них.

1. «Ночь стонуши ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа. . .» (с. 9).

Во фразе «свистъ звѣринъ въ стазби» испорченной частью казалось только «въ стазби». Но тщательный палеографический и текстологический анализ убеждает в том, что ключевым словом является «свистъ». В нем допущена та же, что и в слове «времены» (вместо «бремены»), единственная ошибка: «б» прочитана как «в» — в рукописи употреблен сигматический аорист «сбистъ». В следующем слове — «звѣрину» — буква «у» была прочитана как «ъ» (см. выше «одѣвахъте» вместо «одѣвахуть»). Конец фразы понятен: «въ стады». Здесь испорчен единственный слог *-ды*: начертания буквы «д», похожие на «з», сложные начертания буквы «ы» тоже характерны для киевской скорописи конца XVI—начала XVII в. Таким образом, смысл этого эпизода в том, что ночная гроза пробудила птиц и сбила зверей в стада.

³⁴ Переводы цитируются по книге Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве“».

³⁵ ЦГИА УССР, Озд. рук., ф. 157, оп. 1, ед. хр. 2, л. 1.

Еще меньше исправлений во фразе о Святополке Изяславиче.

2. «Съ тояже Каялы Святоплтъкъ повелѣя отца своего. . .» (с. 16).

Здесь ошибка допущена только в одном месте — «повелѣя». Н. М. Карамзин считал, что не нужно читать: «по сѣчѣ я», т. е. «после битвы забрал. . .».³⁶ Отдельные графемы буквы «в» могли быть прочитаны как «с». Но какой знак напоминал и «л», и «ч»? Мы считаем, что это была лигатура «ст»; нужно читать: «по вѣстѣ я», т. е. «получив известие, забрал. . .».³⁷ Летописи сообщают, что Святополк Изяславич действительно похоронил своего отца, погибшего в битве на Нежатиной ниве, в храме святой Софии в Киеве.

Таким образом, воссоздание скорописных начерков *СМП* оказывается возможным только при сравнении ошибок расшифровщиков и интерпретаторов, которые невольно ориентировались на современные им скорописи XVIII в., с начертаниями реальных рукописей XVI—XVII вв. Реконструированные таким способом графемы датируют *СМП* не позже конца XVI—начала XVII в. Это был один цельный этап, который И. Каманин определяет как третий период в развитии киевской скорописи (вторая половина XVI—первая половина XVII в.).³⁸

Подведем итоги. Поиски аналога *СМП* — задача комплексная и усложняется тем, что в тексте первого издания «Слова» отразились как орфографические характеристики рукописи, так и следы редакционной работы издателей в конце XVIII в. Предпринятое ими упорядочение правописания изменило характер рукописи. Поэтому вполне очевидно, что предложенный Л. П. Жуковской метод прямого сопоставления текста первого издания «Слова» с произвольно подобранным списком XV в. не оправдывает себя. Как показал в своем исследовании Д. С. Лихачев, дошедшие до нас тексты «Слова о полку Игореве» содержат разные орфографические наслоения XVIII в. и могут быть только материалом для реконструкции рукописи.³⁹ Разработанная им схема взаимоотношений текстов *Е* и *П*, их протографа-расшифровки и рукописи, будучи положена в основу данного исследования, позволила размежевать редакционные наслоения и основные орфографические характеристики Мусин-Пушкинской рукописи «Слова».

Та же схема Д. С. Лихачева помогает классифицировать графические ошибки издателей, восходящие к неправильному прочтению отдельных графем рукописи и нашедшие отражение в сохранившихся текстах «Слова». Ценным источником для палеографического исследования являются и переводы XVIII в., которые, как установил Л. А. Дмитриев, были сверены с рукописью; они же содержат многие ошибочные прочтения *СМП*. Тщательное изучение графических ошибок издателей в текстах и переводах «Слова» в XVIII в., их сопоставление с начертаниями реальных рукописей XVI—XVII вв. позволили воссоздать графемы Мусин-Пушкинского списка, расшифровать некоторые «темные места» в древнерусском тексте «Слова о полку Игореве».

³⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 3. Примеч. 268.

³⁷ Такое выражение встречается в рукописях XVII в. (см.: ЦНБ АН УССР, Отд. рук., ф. VIII, 107 м (57), л. 4).

³⁸ Каманин И. Главные моменты в истории развития южнорусского письма в XV—XVIII вв. // Палеографический сборник. Киев, 1889. Вып. 1. С. 7.

³⁹ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве». С. 88.